18+

Евгений Комаров

Точка опоры

Как пережить развод
и найти себя

Евгений Комаров

Точка опоры. Как пережить развод и найти себя

https://litres.ru/74817632
ISBN 9785007156868

Аннотация

Если вы сейчас на дне — после развода, с долгами, с чувством, что вас больше нет, — эта книга для вас. Эта книга — о мужчине, который после развода остался с долгами, но не сдался. Алексей платит кредиты за квартиру бывшей жены, видит детей три часа в субботу и постепенно учится заново уважать себя. Это история возвращения к себе и к отцовству. Для тех, кто хочет знать: дно — это не конец, это точка отсчёта.

Содержание

Глава 1 5
Утро, которого не должно было быть 5
Глава 2 12
Дети в гостях 12
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Точка опоры
Как пережить развод и найти себя

Евгений Комаров

© Евгений Комаров, 2026

ISBN 978-5-0071-5686-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Утро, которого не должно было быть

Будильник зазвенел в шесть тридцать. Первые пять минут Алексей не слышал его — спал на животе, уткнувшись лицом в подушку, которая давно перестала пахнуть чем-то, кроме дешёвого порошка и собственной усталости. Этот запах въелся в ткань, как въедается одиночество в пустые комнаты. Шестой сигнал пробился сквозь сон: короткий, настойчивый, как коллекторский звонок. Он вслепую потянулся к телефону, смахнул будильник и замер.

Рука нащупала край тумбочки. Телефон был мёртв — забыл поставить на зарядку, и теперь чёрный экран смотрел в потолок пустым глазом. Алексей вздохнул, сел на кровати, потёр лицо ладонями. Кожа под пальцами была сухой, шершавой — небритость уже стала частью лица, как седина на висках или мешки под глазами, которые он перестал замечать. Они стали привычнее собственного отражения.

Ему сорок. Но выглядит он на все пятьдесят. Когда-то плотный, с широкими плечами и осанкой человека, который не привык отступать. Теперь плечи ссутулились, будто несли на себе невидимый груз, который он сам на себя взвалил. Седина тронула виски не возрастной проседью — той, от вре-

мени, — а резкой, как удар, от постоянного напряжения. Он похудел килограммов на пятнадцать, и одежда висела на нём мешком. Лицо было бы обычным, даже приятным, если бы не застывшее выражение загнанного зверя, который уже не верит, что клетка откроется. Но даже сейчас, в этом хмуром утре, в его серых глазах иногда мелькало что-то живое — усталое, потрёпанное, но не сломленное до конца.

Комната, которую он снимал у пожилой тёти Зины, была крошечной: четыре на три метра, с высоким потолком, который давил почему-то больше, чем низкий, — как будто пустота сверху напоминала о том, как мало места ты теперь занимаешь в этом мире. Обои в цветочек, выцветшие до бледно-розового, на стенах — следы от рамок, которые когда-то висели. Огромный платяной шкаф, довоенный ещё, занимал целую стену и пах нафталином и чужой жизнью. На подоконнике — засохшая герань в горшке с трещиной. На стене — календарь за прошлый год, где на картинке был нарисован лес, которого больше не существует. Запах в комнате был густым и неистребимым: смесь старых вещей, дешёвого табака, который он курил иногда по ночам, когда не мог уснуть, и одиночества — такого плотного, что его можно было бы резать ножом.

Он встал. Пол под ногами скрипнул — одна половица отошла от другой, и под ней, наверное, была чернота, как под всем, что осталось позади. Прошёл в санузел — крошечный, совмещённый с душем, который гудел как старый трактор,

когда открываешь воду. Включил кран, подождал, пока пойдёт тёплая (сначала шипела ржавая, потом становилось сносно), сунул голову под струю. Мыслей не было — только тяжесть в теле и в груди, будто там лежал не кусок свинца, а целая свинцовая плита, которую он сам на себя положил, чтобы не взлететь. Или чтобы не упасть ещё ниже.

Когда он вышел из душа, телефон ожил. Неизвестный номер. Алексей знал его наизусть — как знают голос человека, который тебя когда-то любил, а потом разучился. Коллекторское агентство «ФинПраво». Он не ответил. Через полминуты пришло сообщение: «Алексей Викторович, напоминаем о просрочке по кредитному договору №4721… Сумма задолженности…» Он не дочитал. Экран погас сам — словно и телефон устал от этой жизни.

Кредитов было три. Два потребительских — на ремонт квартиры и на машину. И остаток ипотеки на двухкомнатную в спальном районе. Тогда, пять лет назад, они с Ириной ещё были семьёй. Считали, что справятся: Алексей получал хорошо, Ирина тоже работала, дети были маленькие — Димке пять, Соньке два. Они сидели по вечерам на кухне, раскладывали бумаги, пили чай с печеньем и верили, что всё будет. Потом бизнес накрылся — клиенты ушли, партнёры обманули, долги навалились. Ирина ушла к Максу через полгода после того, как Алексей впервые сказал: «У нас проблемы». Она не выдержала тишины, которая воцарилась в доме, — тишины, когда мужчина перестаёт верить в себя. А кредиты

остались.

Юрист в первые месяцы после развода — невысокий, лысеющий, в дешёвом пиджаке, который пах химчисткой, — сказал: «Можете подать на раздел долгов. Половина — на неё». Алексей кивнул, взял визитку и больше не пришёл.

Не потому, что боялся суда. Ирина уже считала его неудачником — это читалось в каждом её взгляде, в каждом вздохе, когда она смотрела на его попытки найти работу. А если бы он переложил на неё половину долгов, ему казалось, тогда он станет окончательным ничтожеством в её глазах. И в своих собственных. «Я сам это создал, сам и расхлебываю», — говорил он себе. И это звучало как мужская позиция. Но внутри была просто усталость — такая глубокая, что она заменила собой волю, и нежелание снова вступать в битву с женщиной, которую он когда-то любил. Травма развода сделала его покладистым до глупости. Он уступал везде, где можно было уступить, потому что уступки казались единственным способом не потерять остатки себя.

Теперь он платил ипотеку за квартиру, где жила Ирина с новым мужем Максом. Платил два потребительских — машина тоже осталась ей. Оставил себе только долги. И снимал эту комнату.

Алексей вытер голову полотенцем — старым, с дырочкой на углу, — посмотрел на треснувшее зеркало. Давно не смотрел себе в глаза. Сегодня опять не стал. Брился на ощупь, водя дешёвым станком по щеке, и думал: алименты надо пе-

ревести до пятницы, а на карте — три тысячи. Три тысячи — это десять пачек гречки, если брать самую дешёвую. Или два похода в парк с детьми. Или ничего.

На общей кухне он сварил растворимый кофе — насыпал две ложки вместо одной, чтобы был горьким, потому что горькое напоминало, что он ещё жив. Сел у окна. Кухня была нелепой: плита с двумя работающими конфорками, раковина, из которой постоянно капало — кап, кап, кап, как метроном, отсчитывающий время до следующей субботы. Огромный стол, покрытый клеёнкой в зелёный горошек, на которой остались следы от кружек — коричневые круги, как годы, которые не стереть. На подоконнике стояла фотография в дешёвой рамке — дети: Димка и Соня. Димке десять, он уже копирует интонации отчима, когда говорит по телефону: «Пап, у нас всё хорошо». А Соньке семь, она иногда шепчет: «Папа, приезжай». Но всё реже. Всё реже, потому что слова без тела становятся тишиной.

Алексей взял фотографию. Провёл пальцем по стеклу — там, где лицо Сони, оставил след. Поставил на место. Сегодня суббота. День с детьми. Ирина разрешила три часа в парке, без ночёвок — три часа, как три копейки подачки. Он накануне разменял последнюю тысячу: на мороженое и, может, на катамаран, если повезёт. Если дети не попросят сладкую вату.

Он допил кофе, пошёл одеваться. Достал джинсы — выцветшие до синевы, какой не бывает в природе, но чистые,

он стирал их вчера руками, потому что стиральная машина тёти Зины сломалась ещё при Брежневе. Рубашка — единственная, которая ещё не протёрлась на локтях. Он погладил её вчера вечером утюгом, найденным в чулане — старым, чугунным, который нагревался полчаса. Застёгивая пуговицы, подумал: надевает это как броню. Чтобы Ирина не увидела, как он похудел, чтобы дети не заметили, что под глазами уже не мешки, а целые сумки. Чтобы они видели не папу, у которого всё плохо, а папу, который просто живёт отдельно. Как будто это возможно — отдельно.

Перед выходом задержался у полки с книгами — там лежал потёртый молитвослов, заложенный на пятидесятом псалме. Мать подарила, когда он первый раз пошёл в храм, лет пятнадцать назад. Тогда он верил легко, как верят в солнечный свет. Алексей вырос в вере, но сейчас не знал, верит ли по-настоящему. Иногда казалось, что он повторяет привычные жесты, как человек, который учит язык, но так и не заговорил на нём свободно. В трудные минуты шептал: «Господи, помоги». Но шептал скорее по инерции, не надеясь на ответ. Как бросают монетку в фонтан, зная, что желание не сбудется.

Сегодня он не взял молитвослов. Только ключи и телефон, на котором осталось пятнадцать процентов заряда — как и у него самого. Выходя, подумал: «Главное — не сорваться. Чтобы дети не видели». И захлопнул дверь. Замок щёлкнул — сухо, окончательно, как приговор, который ещё

не зачитали, но уже вынесли.

Глава 2

Дети в гостях

В парк он пришёл за полчаса — привычка, которую не объяснишь логикой. Раньше он опаздывал на встречи, на поезда, на собственную жизнь. Теперь приходил заранее, будто боялся, что если опоздает, дети исчезнут совсем. Парк, Центральный, когда-то был гордостью города: фонтаны, аллеи, клумбы, за которыми следили садовники в синих фартуках. Теперь фонтаны засохли, из их чаш торчали ржавые трубы, похожие на сломанные пальцы. Скамейки местами сломаны — кто-то вырвал доски для костра. На газонах окурки, обёртки, презервативы — всё, что остаётся от человеческого присутствия, когда оно перестаёт быть человеческим. Но дети всё равно любили этот парк. Здесь пахло листвой, жареными семечками и дешёвым мороженым — запах, который не меняется десятилетиями, как память о детстве.

Алексей сел на скамейку у входа — ту самую, с которой видно каждую подъезжающую машину. Положил рядом пакет с соком и шоколадками. Купил в магазинчике по дороге, отложив деньги из тех, что планировал на алименты. Теперь на алименты оставалось ровно на минимальный платёж, а до пятницы — гречка и хлеб. Он пересчитал в уме: гречка,

хлеб, одна луковица в суп. В прошлый раз он так жил две недели. В этот — тоже выдержит.

Руки вспотели. Алексей вытер их о джинсы — выцветшие, но чистые, он проверил перед выходом, нет ли пятен. Подумал: похоже на свидание. Только с людьми, которых боишься потерять, но уже почти потерял. Свидание, где тебя оценивают, выносят вердикт, и ты ничего не можешь с этим сделать, кроме как улыбаться.

Они приехали ровно в одиннадцать — на тёмно-синем кроссовере. Машина блестела, даже в пасмурном свете отражала небо, как зеркало, в которое не хочется смотреться. Ирина вышла из машины первой: женщина тридцати восьми, которую время не испортило, а отшлифовало — как дорогой камень, который только выигрывает от воды и ветра. Стройная, с короткой стрижкой, в куртке из мягкой кожи. Но лицо её было напряжённым — меж бровей залегла складка, которая появлялась всякий раз, когда она сталкивалась с Алексеем. Складка эта была глубже, чем два года назад, и он знал: она не от него одного. Макс тоже умел создавать напряжение. Но Ирина научилась носить его как украшение.

Димка вышел следом. Мальчик был похож на отца — тот же разрез глаз, та же линия скул, — но с более резкими чертами, словно природа взяла Алексея и заточила под острый угол. Угловатый, худой, с вечно насупленными бровями. Он носил дорогую куртку — подарок Макса, Алексей узнал бренд по логотипу, который мелькал в рекламе. Смот-

рел на мир свысока, как смотрят подростки, которым ещё не пришлось столкнуться с настоящими трудностями. Глянул на отца быстро — одним движением глаз, будто проверял, не случилось ли чего (не пропал ли, не запил ли, не умер ли), — и сразу отвёл взгляд.

— Привет, пап.

— Привет, Дим. — Алексей хотел обнять, но сын сделал шаг назад — маленький, почти незаметный, но достаточный, чтобы между ними образовалась пустота. Сунул руки в карманы — Как ты?

— Нормально.

Соня вылезла последней. Она была полной противоположностью брату — маленькая, круглолицая, с вечно торчащими в разные стороны косичками, которые Ирина заплетала наспех, перед выходом. В розовой шапке с помпоном, которая съехала набок, она напоминала пингвинёнка из старого мультфильма — неуклюжего, но такого родного, что сердце сжималось.

— Папа!

Она бросилась к нему — не побежала, а именно бросилась, как бросаются в пропасть, зная, что там мягко приземлят. Он подхватил её, прижал к груди. От неё пахло детским шампунем — «Клубника и сливки», он помнил этот запах, потому что когда-то сам покупал такой, — и сладкой помадой, которую Ирина запрещала, но Соня всё равно мазала тайком. Соня обняла за шею, уткнулась носом в его небри-

тую щёку, зашептала:

— А я тебе рисунок нарисовала. Но он в машине. Мама сказала, потом покажешь. Там мы все: ты, я, Димка и мама. И кот. Только Макса нет.

— Конечно, покажешь. — Он поцеловал её в макушку. Шапка пахла шерстью и улицей.

Он поднял глаза на Ирину. Она стояла, скрестив руки на груди. Тот же взгляд — оценивающий, спокойный, без злости, но и без тепла. Как смотрят на экспонат в музее: вот человек, который был частью жизни, а теперь — частью прошлого. Но в этом взгляде мелькнуло что-то ещё — может быть, удивление. Он выглядел лучше, чем два месяца назад. Не намного, но лучше: не сломленным, не загнанным. Она это заметила. И складка между бровями стала чуть глубже.

— До трёх, — сказала она. Голос ровный, как асфальт. — Я позвоню.

— Я помню.

Она посмотрела на его джинсы, рубашку, пакет с соком. Ничего не сказала, но он почувствовал этот взгляд — как врач, который уже поставил диагноз, но не хочет его озвучивать. Взгляд, который говорил: «Ты стараешься, но этого недостаточно. И никогда не будет достаточно».

— Дим, веди себя хорошо, — бросила она и села в машину.

Дверь хлопнула — глухо, как захлопывается крышка гроба. Кроссовер уехал, оставив после себя выхлопную струю,

которая повисла в холодном воздухе на секунду, а потом растворилась.

Алексей поставил Соню на землю, взял её за руку — маленькую, в перчатке с потерянным пальцем, — и повернулся к Диме. Димка шёл чуть поодаль, пиная носком кеда камешки. Каждый камешек отлетал с сухим стуком, как счётчик Гейгера в зоне заражения.

— Ну что, — сказал Алексей бодро — слишком бодро, даже для самого себя. — Куда пойдём? На карусели? Или на катамаран?

— На катамаран! — Соня подпрыгнула, и её рука дёрнула его руку, как поводок.

— На катамаран денег нет, — буркнул Димка. Не глядя. В голосе не было злорадства — только усталость от повторения очевидного. Как от того, что каждый раз приходится напоминать: ты не такой, как мы. У тебя нет денег.

Алексей сжал челюсть. Сделал вид, что не расслышал. Научился этому за два года: не слышать то, что разрывает изнутри. Или слышать, но не подавать виду.

— Тогда карусели. А потом мороженое.

Они пошли к аттракционам. Соня прыгала, держала отца за руку, рассказывала про школу, подружку Катю, хомяка по имени Бублик, который умер, но ей купили нового, тоже Бублика. Алексей слушал вполуха — всё внимание было занято деньгами на карте. Он прокручивал в уме цифры, как заевшую пластинку: два билета — четыреста, мороженое —

триста (если не самое дешёвое, а нормальное), останется тысяча на неделю. Гречка, хлеб, одна луковица. Продержится. Он всегда продержится. Вопрос только, чего это будет стоить.

— Пап, а ты на каком аттракционе покатаешься? — спросила Соня, дёргая его за рукав.

— Я посмотрю.

Он купил билеты в окошке — женщина с красным лицом и вечно недовольными глазами взяла купюру, не глядя, бросила сдачу в лоток. Он посадил их в люльку. Димка сел нехотя — «это для малышей», пробурчал, но сел, потому что Соня смотрела на него умоляющими глазами. Карусель завертелась, заиграла музыка — старая, механическая, сбивчивая, как дыхание после бега. Алексей стоял в сторонке, руки в карманах, глядя, как кружатся его дети. На секунду показалось, что всё в порядке. Что он обычный отец, который привёл детей в парк, и ничего больше нет. Ни кредитов, ни коллекторов, ни Ирининого взгляда. Просто кружение, музыка, смех Сони.

Но когда карусель остановилась, Димка спрыгнул и сказал — негромко, почти буднично, но каждое слово упало как камень:

— Пап, а у Макса машина круче, чем была у тебя.

Соня перестала улыбаться. Посмотрела на брата, потом на отца, и её лицо стало похожим на лицо взрослого, который знает, что сейчас скажут что-то больное.

Алексей медленно выдохнул. Воздух был холодным, и пар изо рта повис перед лицом, как облачко, в которое хотелось спрятаться.

— У каждого своя машина, — сказал он. Голос не дрогнул. Он сам удивился. — Пойдёмте мороженое.

В киоске он взял два рожка: шоколадный для Димы, клубничный для Сони. Взял самые дешёвые — те, что в бумажке, а не в вафле. Спросил, не хотят ли ещё что-то. Соня попросила сладкую вату — она висела за стеклом, розовая, как облако из снов. Димка попросил газировку в банке — импортную, с яркой этикеткой. Алексей посмотрел на цены: сладкая вата — двести, газировка — сто пятьдесят. Триста пятьдесят. Это ещё один день на гречке. Или два.

— В другой раз, ладно? — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Сегодня только мороженое.

Соня кивнула. Она была хорошей девочкой — слишком хорошей для своих семи лет. Она уже научилась не расстраиваться, когда у папы нет денег. Димка скривился — губы сжались в тонкую линию, брови нахмурились ещё сильнее.

— Вечно у тебя нет денег.

Негромко. Почти шёпотом. Но Алексей услышал. И почувствовал, как внутри что-то сжалось — не в груди, а где-то глубже, там, где прячется то, чему нет названия. Хотелось объяснить. Хотелось достать эти кредитные договоры, которые он носил в папке, и разложить их перед ним: смотри, сын, это я брал на нашу квартиру, на ремонт, на машину, на

которой мы ездили на море. Я мог бы не платить, но тогда банк забрал бы всё. Я мог бы разделить долги пополам с мамой, но она назвала бы меня ничтожеством, а я боялся этого больше, чем нищеты. Почему? Потому что она уже считала меня никем, а я хотел доказать, что я — человек. И доказывал так, что почти перестал им быть.

Ничего этого он не сказал. Только купил мороженое, сел рядом на скамейку. Скамейка была холодной, и холод проступал сквозь джинсы, как правда сквозь ложь.

Соня ела молча — маленькими кусочками, откусывая от края, чтобы не капало на куртку. Димка сидел на другом конце, уткнувшись в телефон. Палец скользил по экрану, в наушниках что-то играло — ритмичное, агрессивное, не для отцовских ушей. Потом Соня отставила стаканчик, почти полный — клубничное мороженое оказалось невкусным, — забралась к отцу на колени. Он обнял её одной рукой, второй держал свой недопитый кофе из термоса, который взял с собой.

— Папа, — тихо спросила она. Голос у неё был как колокольчик, который ещё не разбили. — А ты нас больше не любишь?

У него перехватило дыхание. Он посмотрел в её карие глаза — такие же, как у него. В них не было обиды. Был только вопрос, который она боялась задать, но задала, потому что кто-то другой бояться не научил.

— Почему ты так говоришь? — спросил он. Голос сел, как

будто кто-то сжал горло.

— Мама говорит, ты нас любишь, но у тебя ничего не получается. А Макс говорит: если любишь, надо помогать. А ты не помогаешь.

Димка поднял голову от телефона. Посмотрел. В его взгляде не было сочувствия — была настороженность. Он ждал, что отец сейчас начнёт оправдываться, или злиться, или плакать. Он видел это раньше. Но Алексей не заплакал. Не закричал. Только закрыл глаза на секунду.

В груди горело. Как будто кто-то зажёг спичку и держал её прямо под рёбрами. Он думал: «Я плачу ипотеку за квартиру, где вы живёте. Я плачу кредиты за машину, на которой мама возит Макса. Я мог бы не платить, и тогда у вас отняли бы всё. Я не делю долги, потому что не хочу, чтобы мама видела во мне врага. Но если я это скажу — вы будете знать, что я жертва. А я не хочу быть жертвой. Я хочу быть отцом».

Он открыл глаза.

— Соня, — сказал он. Голос был ровным. Он не знал, откуда взялась эта ровность. — Я вас очень люблю. Это правда. А всё остальное… взрослые иногда запутываются. Но любовь от этого не уходит.

Она посмотрела серьёзно, как смотрят маленькие взрослые, которым уже пришлось понять то, что не должны понимать дети: любовь не кормит, не согревает, не платит за квартиру. Но без неё — ничего.

— А ты Бога просишь помочь? — спросила она. — Ба-

бушка говорит, Бог помогает, если просить. По-настоящему.

Алексей не знал, что ответить. Он просил. Но скорее по привычке — как человек, который стучится в дверь, но уже не верит, что откроют. Он просил по ночам, когда не мог заснуть под звонки коллекторов. Просил, когда смотрел на пустой холодильник. Просил, когда Ирина говорила: «Ты мне больше не нужен». И никто не отвечал. Или отвечал, но он не слышал.

— Прошу, — сказал он. — Иногда.

— А Он помогает?

— Не знаю, — честно ответил. Это было единственное честное слово за весь день. — Но иногда… мне кажется, помогает кто-то другой. Просто я этого не замечаю.

Димка фыркнул. Громко, демонстративно. Вытащил один наушник.

— Бог — это для стариков. Макс так говорит. Бога нет, есть только деньги.

— Макс много чего говорит, — спокойно сказал Алексей. — Но ты сам подумай. Не сейчас, потом. Когда вырастешь.

Димка пожал плечами, воткнул наушник обратно, уставился в экран. Соня молчала, положив голову отцу на плечо. Он чувствовал её дыхание — тёплое, частое, как у птенца.

Они посидели ещё немного. Алексей предложил сходить к пруду, покормить уток. Соня обрадовалась — вскочила, захлопала в ладоши. Димка пошёл за компанию, нехотя, но пошёл. Хлеба не было — он забыл купить, или не было денег,

он уже не помнил. Но нашёл в пакете остатки печенья, которые купил себе на неделю — дешёвое, сухое, в серой бумажке. Отдал детям. Утки хватали крошки, ворковали, толкались. Соня смеялась — звонко, по-настоящему, и этот смех был единственным, что стоило всех денег мира.

Через час пришло сообщение от Ирины: «Подъехала». Алексей отвёл детей к выходу. Соня обняла — крепко, так, что пальцы вцепились в куртку, не отпускали. Димка буркнул «пока» и залез в машину, не обернувшись. Ирина не выходила из кроссовера, только кивнула из окна — коротко, как отдают честь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.